

Борис Иофик

-Расскажите мне все, что вы помните о своих дальних предках.

-Ничего не помню ни о своих прабабушках ни о прадедушках. Да, честно говоря, и про бабушек и дедушек сказать ничего не могу. Одну бабушку – мамину маму – видел однажды, но не запомнил. Знаю только, что мамыны родители родом из Опочки.

-Где и когда вы родились?

Я родился 18 июня 1924 года в Пскове. Мои родители жили в Опочке, но мама поехала рожать в Псков. Псков был довольно большим городом, областным центром, она думала, что там медицинское обслуживание лучше.

- А о родителях можете что-нибудь рассказать?

Мою маму звали Рахиль Залмановна, девичью фамилию не помню, извините. Родилась она примерно в 1900 году. Умерла в 1958 году в Ленинграде. Отца звали Моисей Борисович Иофик. Родился примерно тогда же, когда и мама. Где родились мои родители, я не помню. Знаю, что познакомились и поженились в Опочке. Мама всю жизнь была домохозяйкой. Мама образования не получила, окончила только среднюю школу. Отец где-то учился, но не припомню, где именно. Отец работал в торговле. В Опочке он был продавцом, а потом, когда мы уже жили в Ленинграде, заведовал магазином.

-Отец воевал?

Он воевал в финскую войну, вернулся домой живым.

Потом был призван и на Великую Отечественную войну, хотя был уже не очень молодым человеком. В Великую Отечественную, в 1944 он и погиб где-то в Эстонии. До этого он был ранен, лежал в госпитале. Из госпиталя прислал нам фотографии. Вылечился, был снова отправлен на фронт. А потом мы получили извещение, что он погиб смертью храбрых.

-какой город вы считаете городом своего детства?

Значит, хотя я и родился в Пскове, мой родной город, город моего детства Опочка. Опочка расположена в 140 километрах от Пскова, через Опочку протекает самая красивая и большая река Псковской области – Великая. Город наш был провинциальный, очень уютный, чистый. Большинство дорог были мощеные.

-А где вы там жили?

Жили мы там в большой городской квартире.

- О других родственниках что-нибудь помните?

Вместе с нами жили мамыны брат и сестра, т. е. мои дядя и тетя. Не помню про них ничего, даже имен, знаю только, что во время войны их расстреляли немцы. Много лет спустя я был на экскурсии в Пушкинских горах.

Там я сел на автобус и поехал в Опочку. Хотелось узнать, где похоронены расстрелянные фашистами евреи. Но, к сожалению, узнать ничего не удалось.

-У вас были братья или сестры?

Моя сестра Жанна родилась в Опочке в 1920 году. У нее не было никакого специального образования, она окончила только среднюю школу. Училась сначала в Опочке, а потом в Ленинграде. Работала техником в каком-то учреждении. Она была замужем, но детей у нее не было. Умерла сестра в 2004 году в Петербурге. Мы с сестрой в детстве не были особенно близки, у нас были разные друзья, разные компании.

-В Опочке было много евреев? Как они жили?

В Опочке жило много евреев. Они жили не обособленно, не было никаких специальных еврейских кварталов. Занимались тем же, что и все остальные жители, я имею в виду, что не было никаких специфических «еврейских» профессий.

- А когда и почему вы переехали в Ленинград?

Уж не знаю, почему отец решил переехать из Опочки в Ленинград. Уехали из Опочки мы в 1930 году, мне было всего 6 лет. Дядя с тетей остались в Опочке на свою погибель. Сначала мы недолгое время жили в Ленинградской области, в каком-то маленьком поселке, названия не помню, а потом спустя недолгое время приехали в Ленинград. Мы поселились в коммунальной квартире в центре города.

_Родители работали? Кто вел хозяйство?

Отец пошел работать, мама вела хозяйство. Квартира была огромная, в ней жило много семей. Маме очень доставалось, ведь в коммунальных квартирах жильцы по очереди дежурили. Это значит, что одна семья убирала всю квартиру в течение определенного времени: по неделе за каждого члена семьи. Нас было четверо, значит, целый месяц маме приходилось мыть кухню, длинный коридор, ванну, уборную. А еще вечные проблемы с продуктами, в магазинах нет то одного, то другого. То очереди, то карточки! В общем, работы по хозяйству хватало. Смутно помню, что сначала мы жили в одной квартире, а потом переехали в другую, тоже коммунальную, тоже очень большую. Я жил в коммунальных квартирах до 1985 года, когда мне как инвалиду войны дали вот эту квартиру, где мы сейчас с вами находимся. А мама оставалась домохозяйкой до гибели отца. Потом она стала работать продавщицей в киоске.

- Расскажите о вашей школьной жизни.

В школу я пошел в Ленинграде. Школа была хорошая. Находилась она не очень близко от дома, приходилось переходить несколько оживленных улиц, но меня с первого класса никто не провожал, ходил один. Мне кажется, что тогда дети были более самостоятельные, не принято было их особенно опекать. Учился я неплохо, даже можно сказать хорошо. Интересовали меня всегда точные науки - физика и математика. Было у меня много школьных друзей и подруг, никого уже не осталось в живых. Учителей помню смутно, хотя, например, классную руководительницу помню в лицо отчетливо. Прямо кажется, если бы встретил, узнал. Да только не встретишь уже никого. Все поумирали! Учителя, помню, были хорошие. Относились к детям серьезно и уважительно. Никогда не было у нас проблем, если кто чего недопонял на уроке, всегда можно было попросить объяснить, позаниматься дополнительно. Отказа никогда не было. В целом школьные

воспоминания у меня приятные. Хотя уже почти ничего не помню отчетливо, все как в тумане.

- А как проводили свободное время?

Помню, что часто бегали в кино. Предпочитали дневные сеансы: билеты на них были гораздо дешевле. Спортом я всерьез не занимался, так понемножку гоняли с мальчишками в футбол во дворах. Настоящих футбольных мячей у нас не было, это была непозволительная роскошь. Гоняли мы какие-то тряпичные мячики. Вот бы теперешние дети посмеялись! Я никогда не был хулиганом, скорее меня можно было назвать «пай-мальчиком».

- С кем дружили?

Хочу сказать, что друзья у меня были и русские, и евреи. Национальность моих друзей не имела для меня значения.

_Как вы жили, в достатке?

Наша семья была дружной, не помню никаких конфликтов ни между родителями, ни между родителями и детьми. Жили небогато, но питались неплохо. Одеты были не хуже других. Мама была очень хорошая хозяйка, всегда знала, где можно сэкономить. По-моему, тогда все жили примерно одинаково, во всяком случае, те люди, которые нас окружали.

- Книги дома были?

Книг у нас дома было немного. Помню отца, читающего газету. Но не припомню маму или папу с книгой в руках. По-настоящему я получил вкус к чтению и книгам уже взрослым человеком. Недаром я окончил курсы переплетчиков. Но об этом расскажу позднее.

-А родители говори о политике?

Не помню, чтобы родителями вели какие-нибудь политические разговоры. Может быть, политика их мало интересовала, но, возможно, им не хотелось вести такие разговоры при детях. Я так и не знаю их отношения к существовавшему тогда строю.

-Родители были религиозны?

Мои родители не были религиозными людьми в полном смысле этого слова. Но праздники отмечали. Песах и Хануку обязательно каждый год. Мама очень вкусно готовила фаршированную рыбу. На праздники всегда приходило много гостей. Интересно, что повод, по которому собирались гости, особенно никогда не афишировался. Соседи по квартире думали, что отмечают какие-то наши семейные даты. Не знаю, ходили ли мои родители в синагогу. Мне почему-то кажется, что ходили, но скрывали это от детей. Боялись, что мы где-нибудь проболтаемся, советская власть, ведь боролась с религией. Родным языком моих родителей был идиш. Правда, они говорили на нем только тогда, когда нужно было что-то скрыть от нас с сестрой. Среди друзей моих родителей евреев было большинство.

-Летом ездили отдыхать?

Летом ездили в Опочку к дяде и тете. Летом 41-го тоже уже совсем собрались к ним, но тут началась война.

- А как именно началась для вас война?

В 1941 году я окончил 9-ый класс. 21 июня мы с моим школьным другом Гришей Гильбо отметили наши дни рождения – 18 июня у меня, 21 – у Гриши. А на следующий день началась война. Отца призвали в первые дни войны. Для меня же война началась в сентябре 1941, когда мы с Гришей вступили в добровольный молодежный партизанский отряд. Штаб отряда был недалеко от нашего дома в Институте физкультуры им. Лесгафта на улице Декабристов.

В составе отряда мы пошли в район предстоящих действий под Волхов. По дороге Гриша сильно заболел, поднялась высокая температура. Мне трудно было оставлять больного друга на произвол судьбы, но командир отряда не разрешил остаться при больном. Гришу оставили на каком-то полустанке. Командир отобрал у него оружие и даже фляжку с водкой. Гриша остался один, и с тех пор о его судьбе ничего не известно. Его родные много лет уже после войны искали уже не самого Гришу, а хоть какие-то сведения о нем. Но ничего узнать так и не удалось. Хочу, чтобы эти мои воспоминания были памятником моему погибшему другу.

Наш партизанский отряд разместили в землянках на краю «ничейной земли» - огромного минного поля, протяженностью 2-3 километра. Несколько раз в неделю приходил проводник и проводил нас через это поле. Мы выходили к шоссе, по которому шли немецкие и финские обозы, или к железной дороге. Обстреливали проходящие колонны и закладывали взрывчатку под железнодорожное полотно.

- Вы так и провоевали в этом отряде до конца войны?

В декабре 1941 года отряд отозвали в Ленинград. Возвращались Дорогой жизни по льду Ладоги. Навстречу нам шли и ехали эвакуируемые. На наших глазах проваливались под лед машины, гибли люди. Я вместе со всеми вернулся в осажденный город. Поступил работать на Балтийский завод помощником слесаря котельного цеха. Хватил все прелести голодной и холодной блокадной зимы. В Ленинграде норма хлеба была мизерной. С наступлением холодов перестал работать водопровод, перестала идти горячая вода. Паек мы делили на три части, жарили на печурке и три раза в день мы ели эти жалкие кусочки. Те же, кто получал паек и съедал его сразу, умирал.

Самые тяжелые месяцы были декабрь и январь. В эти месяцы была самая ужасная норма - 125 граммов. В ход пошло все - кофейная гуща, из которой пекли лепешки, варили кожаные ремни, делали студень из клея. Спали одетыми. Было очень тяжело ходить за пайками, потому что были частые артиллерийские обстрелы. Я помню, мы с соседкой пошли отоваривать карточки, начался обстрел, и снаряд упал рядом с домом, где мы стояли в очереди. Там было очень много трупов.

Попасть никуда было нельзя. Трамваи, автобусы не ходили. Люди, как могли, ходили пешком.

Людей хоронили не в гробах, завязывали в какие-то тряпки, если могли - довозили до кладбища, сели не могли - бросали на улице. Встречались грузовики с мертвыми телами, друг на друга наваленными.

- А вы как себя чувствовали?

В феврале меня свалила дистрофия. Чудом выжил. Спасла меня мама. Ее любовь, предприимчивость, находчивость. Чтобы меня спасти, она что-то продавала, выменивала, покупала. За свои золотые часы она получила от продавщицы хлебного магазина 5 буханок хлеба. Один знакомый инженер с Кировского завода приносил нам льняное

масло, а за это забирали хорошие шерстяные костюмы отца и мой велосипед. Никогда не забыть мне дуранду и студень из столярного клея, вкусом которого я восхищался. Мама поставила меня на ноги, но свалилась сама. В очень тяжелом состоянии ее эвакуировали из Ленинграда в Свердловскую область. Там она и жила до снятия блокады.

С марта 1942 г. стало уже легче. Нам добавили немножко хлеба: сначала стали давать по 150 грамм, а потом по 250. Когда началась оттепель, мы сильно испугались эпидемических болезней. Дистрофичные люди выходили и очищали улицы от грязи и льда. Пошел первый трамвай в Ленинграде. В мае люди начали засеивать газоны укропом, щавелем, чтобы были какие-то витамины. Настаивали иголки от хвои, чтобы пить. Но это мало помогало.

И всё же город, израненный, окровавленный, продолжал жить и трудиться. Восстанавливались подбитые танки и артиллерийские орудия, работали литейные цеха заводов. У станков стояли женщины, заменившие сражавшихся на фронте мужчин. Работали радио, Центральный лекторий, Институт усовершенствования врачей, Театр оперетты, Филармония. В августе 1942 г. в Филармонии состоялась премьера 7-й Ленинградской симфонии Д.Шостаковича. Зал был полон. Но это было уже после моего отъезда из Ленинграда. Знаю об этом из рассказов людей, которые были на этом историческом концерте.

-Вы хотели вернуться на войну?

Тем не менее, в июне 1942, когда я немного окреп, я пошел опять в штаб партизанского движения. Но медицинская комиссия признала меня негодной к службе по зрению, и я уехал к матери в Свердловскую область. Там я работал слесарем-электриком на сапого-валяльной фабрике, выпускающей валенки и одновременно окончил десятилетку. После окончания школы я поехал в Свердловск и поступил в институт, названия которого не помню, какой-то технический. Но проучиться там мне пришлось совсем недолго. В конце 1943 года меня вызвали в военкомат.

- Теперь я не буду вас перебивать вопросами, а просто послушаю ваш рассказ о войне.

Помню, что очень долго пришлось туда добираться, военкомат находился на какой-то отдаленной окраине города. Я к тому времени окреп, и меня признали и годным к военной службе. Зрение у меня, разумеется, за это время не улучшилось, просто требования к призывникам стали менее жесткими. Нас погрузили в теплушки и привезли в запасной полк в Свердловской области. Запасной полк - это такой полк, где обучают новобранцев. Выпустить нас должны были в звании сержантов, но на фронте дела шли неважно, нас недоучили и выпустили ефрейторами. Меня направили в пехоту автоматчиком в 1050 стрелковый полк 301 дивизии на 1-ый Белорусский фронт. Воевать я начал на польской границе. Началась освободительная миссия по освобождению народов Европы от гнета фашистских захватчиков. Подавляющее большинство населения Польши ждало нас и с радостью встречало воинов-освободителей. От наступающей Красной Армии люди не бежали на Запад. А мы, солдаты, все делали для того, чтобы не опорочить в глазах местного населения почетного звания воина-освободителя.

Польша более 4 лет жила под гнетом Германии. Еврейское население в этой стране почти поголовно было истреблено фашистами. Много погибло и поляков. Но таких массовых разрушений городов и сел, как на Брянщине и Орловщине и Восточных областях Украины в Польше не было. В сельской местности у крестьян был и хлеб и

тягловая сила и скотина. В городах жили впроголодь. Спекуляция достигла до невероятных размеров. В магазинах промышленных никаких товаров не было, кроме предметов кустарного производства, вроде деревянных ложек.

А я служил я как все, никаких командных должностей не занимал. Ходил неоднократно в атаки, в том числе и в штыковые, стрелял, конечно. В рукопашных боях не участвовал. Ну что сказать про войну? Тяжелое это дело! Каждый день гибнут товарищи, друзья. Каждый день может и для тебя стать последним. Я считаю, что особенных подвигов не совершал, но воевал честно. Ни за чью спину не прятался. В общем, выполнял свой долг, так можно сказать. Знаете, как мы шутили – «пехотная доля — два часа на передовой, два месяца в госпитале». Мне в этом смысле еще повезло, я был ранен один раз. Сейчас расскажу об этом чуть подробнее.

В январе 1945 года немного не доходя до Варшавы, на Висле участвовал в очень тяжелом бою. В этом бою я был тяжело ранен и контужен: совсем рядом со мной разорвался артиллерийский снаряд. Я потерял сознание, с поля боя меня вынесли друзья-однополчане. Ранение было в ногу, очень тяжелое, была раздроблена пяточная кость. Провалился в госпитале в Польше больше трех месяцев. Еще повезло, что обошлось без операций, осколки меня просто ранили, а не застряли в ноге. После госпиталя, где-то в конце апреля 1945 года, уже незадолго до конца войны меня направили в 48 отдельный гвардейский мотоциклетный батальон 2-ой мотомеханизированной армии генерала Радзиевского. Теперь уже пехота смотрела на нас с завистью, потери в мотоциклетном полку были на несколько порядков меньше. Да и задачи нам ставились совершенно другие, чем стрелковым подразделениям. Мы не часто ходили в атаку в пешем строю, хотя и это случалось неоднократно. Участвовал в боях на Берлинском направлении автоматчиком на мотоцикле. Мое место было в коляске мотоцикла, откуда я и вел огонь. Конец войны встретил не в Берлине, а в 60-километрах от него, в городе Фюрстенберг. Я был награжден Орденом Отечественной войны 1 степени, а медалей много, я уж и не помню. Они у меня хранятся на антресолях, я заранее их приколот к подушке, чтобы когда помру никому не возиться. После победы меня назначили техником-смотрителем зданий в Фюрстенберге. Техник-смотритель это тот человек, который отвечает за работу котельных, водопровода, канализации. Речь идет, разумеется, не обо всех зданиях города, а только о тех, которые были в распоряжении нашей части. Работа, что и говорить, хлопотная. Я немного знал немецкий. Мне это здорово помогало. Ведь в моем подчинении оказались немцы – кочегары, плотники, дворники.

Хочу немного рассказать о Фюрстенберге. Это уютный маленький немецкий городок на железной дороге, на полпути от Берлина к Балтийскому морю. Кругом вода, река Хавель, протоки, каналы. Но уже всем было известно, что по другую сторону одной из проток находился концлагерь Равенсбрюк, один из самых страшных лагерей, в основном женский. Узниками его было 130 000 женщин и несколько сотен детей. 93 тыс. человек было уничтожено. 30 апреля 1945 оставшиеся в живых узники были освобождены Советской Армией. Несколькими километрами дальше — крохотный городок Люхен. Здесь в сорок пятом была последняя ставка последнего «командующего Восточным фронтом» — главаря СС и СД Генриха Гиммлера.

А много лет спустя я узнал, что в Равенсбрюке была казнена знаменитая мать Мария. Помню, какое на меня произвела впечатление история ее жизни. Я узнал, что в лагерь она попала, в основном, за то, что в оккупированном Париже доставала для евреев поддельные документы, помогала им бежать в ещё не оккупированную зону Франции, укрывала их и устраивать детей, родители которых были уже арестованы. И вот 31 марта - узница под номером 19263 казнена в газовой камере.

Так, не дожив двух месяцев до победы и освобождения лагеря союзными войсками, погибла мать Мария.

По делам часто приходилось ездить в Берлин. Всегда, когда приезжал в Берлин, ходил в кино. Посмотрел тогда «Девушку моей мечты»

Очень сильное впечатление произвел на меня этот фильм. Мечтаю уже много лет купить кассету или DVD, да все как-то не попадается. А может, все дело в том, что после ужасов, грязи войны нужно было посмотреть что-нибудь красивое, светлое и легкое. Жилось мне в Германии очень хорошо. У нас была большая хорошая компания – наши офицеры, многие уже женатые с детьми. Но домой все равно тянуло. В 1947 году я решил демобилизоваться, но меня уговорили остаться служить еще на год, сверхсрочно. Работу я выполнял ту же самую, я к ней уже привык, оставалось довольно много свободного времени.

-Как вы видели свою дальнейшую судьбу?

Я решил не тратить его напрасно и начал готовиться к поступлению в институт. Учиться я, разумеется, собирался в СССР. В 1948 году я съездил в отпуск в Ленинград, разузнал все о правилах приема в ЛИТМО (Ленинградский институт точной механики и оптики), вернулся в Германию и, наконец, демобилизовался.

- А что в личной жизни?

За время моего отпуска я успел еще и жениться на Циле Григорьевне Рубежовой. Она так и осталась на своей девичьей фамилии, мою не взяла. Моя жена окончила Библиотечный институт, работала по специальности – библиотекарем. Но, когда мы познакомились, она была еще студенткой. Познакомил нас мой сосед по дому. Жена хотела поехать со мной в Германию, даже ушла с работы. Мы доехали вместе до границы, а дальше ее не пустили. Я ей дал денег на дорогу, она вернулась в Ленинград, восстановилась в институте и окончила его. Через год я вернулся окончательно в Ленинград и поступил в ЛИТМО, как и собирался. В 1949 году у нас с женой родилась дочка Галина. Моя дочка окончила Библиотечный институт, как и ее мама. Она давно живет в Канаде. У нее есть сын Александр 1975 года рождения.

Я учился на вечернем, работал на заводе им. Карла Маркса. И вдруг, когда я учился на третьем курсе, меня вызвали в военкомат, отобрали паспорт и сказали: «Будешь служить дальше». Шел 1951 год. Мне присвоили звание младшего лейтенанта и направили служить в строительные войска Министерства Внутренних Дел. Мы строили военные объекты. Интересно, что мы сами толком не знали, что именно строим. Мне кажется, что это были какие-то объекты противовоздушной обороны. Я был командиром взвода, потом меня назначили помощником начальника штаба. В моем взводе служили ребята из Западной Украины и Белоруссии. Они были малограмотными, но добрыми и исполнительными. А в другом взводе служили солдаты с Кавказа. Вот там случались и убийства, и всякие другие неприятности. Объекты, которые мы строили, находились недалеко от Москвы. Я решил, раз уж так сложилась судьба, поступить в Москве в Академию МВД. Сдал вступительные экзамены на все «пятерки», а медкомиссия меня забраковала. Предлогом было мое плохое зрение, но на самом-то деле причиной был антисемитизм. Тут я не на шутку разозлился и начал писать во все инстанции рапорта о демобилизации. Но, чтобы не терять зря времени, поступил на заочное отделение ЛИСИ. (Ленинградский инженерно-строительный институт). Наконец, в 1955 году меня демобилизовали. После демобилизации вернулся домой в Ленинград, в коммунальную квартиру.

- А где работали?

Пошел на работу в Научно-исследовательский институт «Электрон». Начал работать техником. В 1958 году я закончил институт. А в «Электроне» я работал лет до самой пенсии, до 1992 года. Начал техником, как я уже сказал, потом стал инженером. Потом был руководителем группы и ведущим конструктором. Работа была очень интересная, творческая. Часто приходилось ездить по командировкам, в основном, в Москву. На работу всегда ходил с удовольствием. Со всеми сослуживцами был в хороших отношениях. Встречались не только на работе, но и в домашней обстановке. В 1960 году я заболел гайморитом. Болел очень тяжело, мне делали операцию. После операции я никак не мог восстановиться. У меня почему-то начали выпадать зубы. Мне сказали, что необходимо поменять климат. А в Одессе был филиал нашего института, и меня перевели туда на работу. Там я провел год. Квартиру снимал. Здоровье мое полностью восстановилось. Город этот мне очень понравился. Веселый, южный портовый город. Тогда там жило много евреев, но конечно, не столько, сколько до войны. Через год я вернулся в Ленинград. Никакого антисемитизма за все время работы в своем институте я на себе не испытывал. Мне предлагали вступить в партию, с тем, чтобы и дальше продвигаться по службе, но я отказался, меня вполне устраивала моя карьера. А с моей женой Цилей мы разошлись вскоре после моей демобилизации, приблизительно в 1955 году. Она вышла замуж во второй раз, и муж увез ее в Ригу, где она и живет. Но мы с ней сохранили хорошие отношения.

-Что так и были холостым?

Я недолго оставался холостым. Через год или я женился во второй раз. Мою вторую жену звали Софья Шмуклербаум. Она работала в какой-то строительной компании, специального образования у нее никакого не было. Она в браке приняла мою фамилию. У нас в 1957 родился сын Иосиф. Но наш брак тоже продолжался недолго, мы разошлись. Мой сын окончил какой-то технический ВУЗ в Ленинграде, не помню, какой. Примерно в 1978 году мой сын эмигрировал в США. Там он освоил специальность программиста, женился, у меня от него есть внук Майкл. Едва устроившись на новом месте, Иосиф вызвал к себе свою мать. Теперь я почти не имею с ней связи.

- А как проводили свободное время?

В свободное время раньше я очень любил ходить по музеям. Каждый выходной обязательно посещал какой-нибудь музей. Причем, предпочитал ходить один. Нет в нашем городе музея, в котором я бы не побывал по несколько раз. Кажется, что сам бы мог проводить экскурсии. Сейчас, конечно, многое подзабыл.

- На пенсии не скучали?

Без работы мне было сперва очень тоскливо, буквально не знал, куда себя деть. Решил окончить какие-нибудь курсы. Из огромного количества курсов выбрал переплетные. Наверное, сказалась моя любовь к книгам. Мне было всегда приятно держать в руках аккуратную, красивую книгу. Вот я и старался сделать книги именно такими. Много лет переплетал книги в библиотеке Хесед. Теперь хеседовская библиотека в полном упадке, никто за ней не следит, количество книг резко уменьшилось, и мне стало нечего делать. А ведь у меня дома есть полный набор переплетного оборудования. Иногда что-нибудь переплетаю для себя или для соседей.

- Помни те Дело врачей?

Хорошо помню не само дело врачей, а разоблачение Лидии Тимашук и признание того, что все это «дело» было полностью сфабриковано.

Вообще я часто задумывался над тем, что в стране арестовывают огромное количество людей, но, сами понимаете, я молчал.

- Плакали, когда умер Сталин?

Когда умер Сталин, я не горевал. Хотя тревога, конечно, была. Думал, что же будет дальше со страной.-

-А что думали о чешских и венгерских событиях?

Что касается Венгерских событий и Пражской весны, то у меня не было мнения, отличного от официального.

-Радовались победам Израиля в Войнах, которые он вел?

Войны, которые вел Израиль, не могли оставить меня равнодушным. Как еврею мне было очень приятно, что Израиль побеждал, а как человек военный я еще и восхищался военным искусством Израильской армии.

-Что почувствовали, когда разрушили Берлинскую стену?
?

Когда разрушили Берлинскую стену, я был доволен. Я никогда не понимал, как можно поделить одну страну и один народ на две части.

-Что думаете о Горбачеве и его реформах?

Реформы Горбачева, так называемая, перестройка, меня скорее огорчили, чем обрадовали. Мне жаль, что распался СССР. Да и порядка было больше, а воровства меньше. А демократия, я считаю, у нас липовая.

- Как участвуете в еврейской жизни города?

Раньше я часто ездил в Хесед, чтобы играть там в шахматы. Теперь ноги почти не ходят, но два раза в месяц за мной приезжают и отвозят в Дневной центр. Там мы проводим целый день, нас кормят, иногда возят на экскурсии. Но главное, что мы там общаемся друг с другом. Мне, например, больше всего не хватает именно общения, да и многим другим, я думаю, тоже. Хесед предоставляет лекарства за полцены. А в прошлом году со мной произошла очень неприятная история. Я переходил дорогу, споткнулся и упал. И как назло рядом с тем местом, где я свалился, велись работы по ремонту дорожного покрытия, там был расплавленный асфальт. В него-то я и упал обеими руками. С сильными ожогами кистей рук я попал в больницу. Пролежал там больше двух недель, а когда выписался, руки были еще забинтованы. Обычно я все делаю дома сам, а тут был совсем беспомощным. И тогда мне из «Евы». прислали женщину, которая помогала мне по хозяйству, пока повязки не сняли. Они меня тогда прямо спасли.